

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

**СЕКРЕТНЫЙ ДЪЯК
или
ЯЗЫК
ДЛЯ ПОТЕРПЕВШИХ
КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ**

УДК 82-34
ББК 84(2Рос-Рус)
П70

*В оформлении обложки использованы рисунки Елены Вавкиной
Вступительная статья — Яна Доля*

Исключительное право публикации принадлежит
издательству «Литературный Совет»

Все права защищены

Никакая часть книги не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения правообладателя

Прашкевич Г.М.

П70 Секретный дьяк или Язык для потерпевших кораблекрушение / Геннадий Прашкевич; вступ. ст. — Я. Доля. — М.: ЛитСовет, 2015. — 412 с.

ISBN

Петровские времена, бурное расширение России на восток, поиски выхода на Индию, Японию, Китай, смена курса, повлиявшая на жизнь каждого русского человека, неважно, сумел он принять новые веяния или до конца сопротивлялся им. Санкт-петербургский спивающийся дьяк Иван Крестинин пытается понять предсказание якутского старика-шептуна, что вот будешь ты, дескать, отмечен вниманием царствующей особы, до края света дойдешь, влюбишься в дикую, но жизнь все равно проживешь чужую. Как это чужую? Как осознать свою включенность в судьбу всей страны, общества? Этому и посвящен исторический роман, полный юмора и ужаса, реалий и таинственных видений.

УДК 82-34
ББК 84(2Рос-Рус)

Знак информационной продукции 16+

© Прашкевич Г.М., 2015
© ООО «Литературный Совет», 2015

ISBN

Яна ДОЛЯ

ГЕРОИЗМ НА КОСТЯХ.

МОНОЛОГ ПИСАТЕЛЯ НА ТЕМУ ЧУЖОЙ, НО ОБЩЕЙ ВИНЫ

Выдвинутый в этом году на соискание премии «Большая книга» роман нашего земляка Геннадия Прашкевича «Секретный дьяк, или Язык для потерпевших кораблекрушение» неожиданно решением жюри был исключен даже из длинного списка — под благовидным предлогом того, что исторические романы на этот раз к конкурсу допускаться не будут.

Истинная же причина даже не в том, что роман Прашкевича мог бы составить серьезную конкуренцию потенциальным претендентам на победу за счет, прежде всего, богатого литературного языка, — в своем произведении автор коснулся такой тонкой темы, как завоевание Сибири и Крайнего Севера, которое в официальной исторической науке именуется не иначе как освоение.

Государственная личность в истории и подавление государством «маленького человека» — невольной жертвы истории — всегда волновали писателей. Другое дело, что роль этих личностей и их значение для государственного становления и для счастья отдельных людей на протяжении веков подается с непреклонной позиции правоты государства, для чего умалчиваются имеющие место быть факты кровавой резни, политической подлости и вероломства, даже со стороны тех героев, в честь которых названы города и чьи имена гордо вписаны в отечественную историю. Вам часто доводилось видеть в учебниках по истории определение «завоеватель» применительно к русскому народу? Русские всегда были только освободителями, даже малые северные народы (дикующие, как их называли) встречали нас с распростертыми объятиями на пути медленного, но мощного освоения Сибири и продвижения русской культуры на восток.

Но может ли человек с легкостью отдать свои земли и согласиться платить дань не известному ему государю?

Над этим вопросом Геннадий Прашкевич задумался еще 40 лет назад, когда начал изучать в архивах и библиотеках отписки землепроходцев, царские наказные грамоты, старые карты, официозные исторические романы и научные исследования на тему освоения Сибири и Крайнего Севера.

Как получилось, что огромная территория от Урала до Тихого океана, о которой мало что знали и слышали вплоть до второй половины XVI века, вдруг стала российской? Почему никто не вышел на нее ни с китайской, ни с японской сторон?

Волнующие писателя вопросы вылились в труд длиной в два десятилетия — столько писались исторический роман «Секретный дьяк» и повести «Носорокий» и «Тайна полярного князца», составившие трилогию «Русская Гиперборея».

— Меня всегда отталкивала официальная литература, такая, как, скажем, роман Владислава Бахревского о Семёне Дежневе, в котором, как было принято, белокурый русский молодец уходил на восток «встречь солнцу», а на родине оставалась ждать дивная Алёнушка с льняной косой, — поведал в беседе с корреспондентом газеты «Честное слово» Геннадий Мартович. — Соответственно, русские приходили в неизведанные края, братались с местными народами, и всем было счастье без перерыва.

К сожалению, с истинным счастьем не получалось, потому что движение любого народа на территории, которые ему не принадлежали исторически, всегда связано с кровью и насилием. И от подхода, который ты избираешь (освоение или завоевание), зависит не просто сюжет романа — зависят слова и действия героев. Почему история никак не может стать точной наукой? Да потому что историю делают самые разные люди: и пьяные дьяки, которые, много раз переписывая летописи, допускают ошибки осознанные или неосознанные, и слишком трезвые ангажированные историки — советские, российские, английские, американские, китайские, японские, несть им числа. Каждый работает на свою страну, и каждому нужно подать материалы так, чтобы они оказались удобным аргументом в постоянных спорах с соседями. То есть история — это метод давления, метод выражения взглядов на что-либо.

К сожалению, время для работы над моими историческими вещами было не самое лучшее: в 70–80-е годы официальный патриотизм был чрезвычайно силен, и я понимал, что если даже справлюсь с такой огромной темой, то вряд ли смогу напечататься — не та атмосфера. Я имел отношение к самым разным издательствам (и центральным, и местным) и знал, что в них приветствуется в основном тема великого Советского Союза, братских соцстран и отдельно со многими оговорками тема малых народов, которые якобы всегда радостно встречали «Большого брата». Однако, открывая казачьи отписки, я видел там совсем иное.

Прежде всего, что собой представляли народы Сибири. Это, как правило, небольшие племена и роды, рассеянные по огромной плоской территории тундры. Отдельными семьями они веками кочевали среди снегов под северными сияниями и звездами. Очень одинокие люди, знающие каждое деревцо в тундре. Еще и поэтому встреча для них с любым чужим человеком была чем-то совершенно невероятным и вызывала прежде всего испуг. Это отражено во многих записях, собранных на севере такими замечательными русскими исследователями, как В. И. Йохельсон и В. Г. Тан-Богораз. Не знающие власти, не знающие границ, ничем не ограниченные жили дикующие под дикими звездами, и вдруг приходят русские и требуют пушнину, которую те же юкагиры или долгане якобы давно уже задолжали русскому царю, о котором, кстати, до этого они просто не слышали. До прихода в сендуху (тундру) русских юкагиры, долгане, ламуты, коряки, чукчи, коряки, кереки, ламуты, лю-

бенцы, шоромбойцы убивали ровно столько песцов, горностаев, соболей, лис, сколько нужно было, чтобы одеть семью, прокормить собак, и вдруг с запада приходят тысячи чужаков и требуют пушнину — мягкую рухлядь. Были народы, с которыми сразу справиться русские не смогли, — это якуты и чукчи. Они оказали пришельцам упорное сопротивление. По крайней мере, походы полковника Павлуцкого закончились поражениями и гибелью самого полковника. И только привнесенная в северные просторы «огненная вода» подвела якутов и чукчей: организм северных народов алкоголь не усваивал. . .

Когда Семён Дежнёв обошел Большой Необходимый нос (нынешний Мыс Дежнёва) и высадился с остатками своего отряда в устье Анадыря, дикующие встретили его без ликования. Дежнёв поставил свой острожек в стороне от их стойбищ. В течение нескольких лет он пытался подружиться с дикующими, что у него начало получаться, однако все испортил Михаил Стадучин, который спустился на Анадырь с севера, и, узнав, что Дежнёв пришел на Анадырь первым, в раздражении ударил по корякам, вызвав тем у них еще большее недовольство. В то же время с Анюя пришел Юшка Двинянин. И все они непрестанно вели борьбу и с дикующими, и друг с другом. Конечно, историками официальными, работающими по заранее определенной схеме, вся эта кровавая круговерть объяснялась в разные годы по-разному.

Но история есть история.

Вот стоит в Хабаровске памятник Ерофею Хабарову.

Имя Хабарова упоминается во всех учебниках, но, конечно, в них ничего не говорится о том, что Хабаров был одним из самых жестоких наших землепроходцев: он выжигал стойбища и безжалостно уничтожал население, если оно не торопилось нести ясак. Хабаров был настолько жесток, что даже его сподвижники, люди не робкие и не сентиментальные, не выдержали: заковали своего атамана в цепи и привезли в Якутск на суд воеводе Пушкину. Но Хабаров добыл столько пушнины и открыл такие богатые земли, что, естественно, был прощен.

Вот тут и кроется противоречие. С одной стороны, без крови новые территории не занять, с другой — государство жалело средства на эффективные военные походы. При изучении архивных документов у меня сложилась собственная теория столь динамичного выхода русских на берега Тихого океана. Когда новый государев отряд выходил на новую территорию и ставил там острожек, то казаки в течение первых двух-трех лет регулярно получали и хлебное довольствие, и солевое, и денежное, и все прочее. Но через несколько лет помощь от государства обрывалась, уж слишком много усилий требовалось на преодоление огромных просторов (чтобы от Москвы до Якутска добраться, требовалось в среднем почти три года), и тогда вспыхивал бунт: казаки убивали своих начальников. Одумавшись, понимая, что в России им места теперь не найти, головы их полетят с плеч, провинившиеся казаки всем отрядом бежали на восток, чтобы укрыться на дальних неизведанных речках. Так были пройдены Енисей, Лена, Индигирка. И в каждом новом острожке через определенное время вспыхивал бунт, и казаки опять бежали дальше. В принципе, казаки не шли специально на новые территории, а бежали на

земли дикующих от собственного государя. Бежали от собственной власти, пока наконец не уперлись в Охотское море, в Тихий океан. Так что белокурым парням было не до оставленных ими Алёнушек с льняными косами. Редко кто из землепроходцев возвращался в родные края, у Алёнушек находились свои утешники, а сами казаки в долгих походах часто вынуждены были обращаться к отношениям, которые принято называть нетрадиционными.

Однако сами по себе землепроходцы, эти жестокие и упорные люди, были чрезвычайно интересными личностями. Отписки хорошо отражают их характер, язык, стиль общения, взгляды на мир. Мне пришлось изучить огромное количество документов, пока в сознании моем зазвучал наконец тот прекрасный русский язык, который, думаю, невозможно убить ни тюркизмами, ни нынешними англицизмами. С такой же симпатией я вдумывался, вглядывался в историю дикующих — юкагиров, долган, сумеречных ламутов, коряков и кереков, камчадалов, чюкчей, шоромбойцев и прочих, прежде всего потому, что люблю север, звезды в ночи, заснеженную тундру и след одинокого олешка, убежавшего в ночь...

При работе над историческим романом приходится много думать о времени. Герои неотделимы от своей эпохи. Если доблестному майору Саплину государь приказал найти и сохранить серебряную гору, майор Саплин эту гору найдет и ни кусочка от нее не отдаст кому бы то ни было. Человек петровской эпохи, он будет стоять до конца! И отписки его будут четкими, в отличие от спивающегося приказного дьяка Крестинина или от дьяка-фантаста Тюньки, который даже средний возраст жителей деревни высчитывает путем простого суммирования, и даже от господина Чепесюка, тайного государственного чиновника...

И вот когда ты это видишь, мир начинает мерцать и переливаться, как северное звездное небо. И ты видишь упорных людей, надеющихся только на себя. И видишь, что над ними, кроме Бога, есть еще начальство, сидящее в Москве, начальство, которому часто наплевать на личные интересы и душевные переживания казаков или тем более дикующих, зато ему, начальству, всегда интересна пушнина, на которую можно покупать оружие, чтобы вновь и вновь посылать казачьи отряды в сторону дикующих. Вот она, действующая жесткая система — государственная, планетарная. И каждый отдельный человек, сколь бы велик или ничтожен он ни был, несет в себе свою собственную мораль, пускай даже извращенную. Так что на давний вопрос, было ли движение в Сибирь освоением или завоеванием, я убежденно отвечаю: завоеванием.

Даже сегодня, как только начинается учебный год, к северным жителям летят вертолеты, детишек отлавливают и чуть ли не силой везут в поселковые школы, где они будут всю зиму заниматься. С одной стороны, родителям, может быть, в тундре без них даже легче, но зато детям трудно, их мир перевернут, он другой. Им, наверное, интереснее было бы гонять олешков по тундре, может, в этом и есть их истинное предназначение, но законы цивилизации требуют их непременно втягивания в систему, в которой нынче, к сожалению, искажены почти все человеческие отношения...

Новосибирск, 7 августа 2013 г.

СЕКРЕТНЫЙ ДЬЯК
или
ЯЗЫК ДЛЯ ПОТЕРПЕВШИХ
КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

исторический роман

ЧАСТЬ I. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКРЕТ

Сентябрь 1721—февраль 1722 гг.

*Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов;
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там равна сила естества.*

М. Ломоносов

Глава I. Секретный дьяк

1

Осенью 1700 года (получается, к началу рассказа этак лет за двадцать) в северной плоской тундре (в сендухе по-местному) верстах в ста от Якутского острога среди занудливых комаров и жалко мекающих олешков в день когда Ваньке Крестинину стукнуло семь лет, некий парнишка, сын убивцы и сам убивца, хотя по виду и не превзошел десяти-одиннадцати лет, в драке отрубил Ваньке указательный палец на левой руке. Боль невеликая, но рука стала походить на недоделанную вилку.

Там же, в сендухе, ровной и плоской как стол, под томительное шуршанье осенних бесконечных дождей местный старик-шептун, заговаривая Ваньке отрубленный палец, необычно и странно предсказал:

жить, Иван, будешь долго,
обратишь на себя внимание царствующей особы,
полюбишь дикую землю,
дойдешь до края земли,
но жизнь, добавил, проживешь чужую.

Шел дождь, отрубленный палец пронзительно дергало, но старик-шептун снял боль. Ну а пророчество... Разве не сказано: «Отчасти знаем, отчасти пророчествуем»... Много чего нашептал в ту ночь старик, напугал не одного Ваньку, а прошло немного времени, и уже Ванькиного отца, опытного стрелца Матвеева, тоже, кстати, Ивана, зарезали в тундре злые шоромбойские мужики.

Как не зарезать, когда одно небо вокруг? Сидишь, дикуешь.

Добрые люди подобрали мальчишку и отправили с ясачным обозом в Москву.

Там волею родной тетки Елизаветы Петровны Саплиной (урожденной Матвеевой) и ее супруга славного майора (тогда ещё капитана) Якова Афанасьевича Саплина Иван Матвеев-младший, записанный на всякий случай Крестининым (по матери, понятно), начал изучать по Псалтирю грамоту и в короткий срок проявил такие таланты, что в пятнадцать лет взяли Ивана в Сибирский приказ изучать иностранные языки и переписывать служебные скаски. А когда майор (тогда ещё капитан) Саплин и его супруга по указанию государя как государственные люди были переселены в новую столицу, Иван тоже перешел на новое место — в канцелярию думного дьяка Кузьмы Петровича Матвеева, ревниво и внимательно следящего за своей замужней но как бы одинокой сестрой, поскольку муж ее Яков Афанасьевич беспрерывно воевал шведов, почти не показываясь в столице.

Сибирь потихонечку забывалась.

Иногда, правда, начинал ныть на погоду отрубленный палец.

Но все равно время шло, забываться стали и пророчества старика-шептуна.

Упорным трудом дошел Иван Крестинин до старшего дьяка. В канцелярии, впрочем, оставался незаметным, держался от других дьяков и подьячих в стороне, потому как часто учинял секретные чертежики для думного дьяка Матвеева (по заказу зельных чинов) и никогда не получал от него разрешения на встречи с другими понимающими в этом деле людьми. По приказу думного дьяка правил Иван старые и новые маппы, в основном тоже секретные, а еще много переводил со шведского и немецкого, хотя именно к маппам, к географическим картам, как их тогда называли, особо был склонен.

Любая не записанная плоскость, любой чистый не покрытый изображениями лист бумаги притягивали Ивана. Ведь правда, как многое можно изобразить на таких плоскостях! Например, океан, а в нем ужасного левиафана, и те пути, по которым плавают ужасный левиафан от одного острова к другому, и, наконец, сами эти еще никому не известные острова. Или большую сушу, а на ней всякие извивы рек, и всякие возвышенности, и наоборот, ужасные провалы, в которых после дождей может собираться вода, образуя озера, а то и моря, в которых вода со временем становится соленой. Даже лужи после дождя казались Ивану всего лишь уменьшенными морями, а пространство любого пустыря казалось копией какой-то маппы. На все смотрел по-особенному, дивился. Появляясь в канцелярии, неторопливо хромал между широкими столами (два года подряд дважды в одном и том же месте ломал правую ногу), обдумывал новые чертежи, переносил из

казачьих отписок, присланных из Сибири, необычные очертания на бумагу, потом долго всматривался, пугаясь — вот какой совсем новый край! В том краю, говорят, великая стужа, там тьма, мгла, льды. Там корабль не пройдет, птица не пролетит, там воздух тверд от мороза. Непонятно, как вообще возвращаются из тех краев казаки. Смутно помнил, что есть в Сибири места, где совсем не бывает солнца.

Полузабытое вдруг всплывало. Обижался на старика-шептуна.

Ну во всем соврал тот глупый бесстыжий старик. Как это конец света?

Даже если сам Санкт-Петербург и является концом света, то где на его прешпектах встретишь дикуюющую? Да и внимание царствующей особы на себя тоже не сильно обратишь. Может, и не надо.

Короче, жизнь секретного дьяка тянулась скучно, как старая мочала.

Не сложилась она так, как предсказывал в сендухе старик-шептун. Иногда Ивану казалось, что скучная его жизнь теперь всегда так будет тянуться. Всегда! Ох, всегда! И от горьких мыслей секретный дьяк Иван Крестинин время от времени впадал в мрачные запои. Но, конечно, не просто так, как прыгают в прорубь. Наученный суровой судьбой, он помнил о неожиданностях и превратностях. Впрочем, и не сильно-то забудешь об этих неожиданностях и превратностях: на каменных столбах посреди Санкт-Петербурга в любой день можно было видеть разлагающиеся трупы казненных царем Петром людишек. Князя Гагарина, казнокрада, к примеру, перевешивали три раза — для науки. Истлевшее лицо закрыли платом, а распухшее тело, заполонившее весь камзол, для верности перетянули цепями.

И так не с одним Гагариным.

Когда-то была у повешенных своя жизнь, каждому в свое время мамка ласково агукала, и каждому, может быть, старики-шептуну предсказывали всякую удачу.

А чем кончилось?

Виселицей...

Ох, Санкт-Петербург! Ох, город низкий, город плоский, город сырой, всегда недостроенный, на неудобных деревянных набережных пахнет смолой, пенькой, гнилью. Выйдешь рано утром, не хочешь, а вздрогнешь. Бледная луна выкатилась, высветила каменный столб на неустроенной площади, а на столбу прикован цепью заплесневелый вор, таинственно и бесшумно машет крыльями на низком берегу деревянная мельница, побрехивают собаки, стучат колотушки солдат, обходящих улицы. По плоской Неве, по бледному рассвету, неспешно идут плоские плоты, с тех плотов тянет дымом, и небо над Невой тоже плоское и сырое.

Правда, и в детстве Иван видел пространства плоские.